

Биафра навсегда*

*New Perspectives on the Nigeria-Biafra War:
No Victor, No Vanquished*

СНИМА J. KORIEN (Ed.)

Lanham: Lexington Books, 2021. – XXXIV, 394 p.

Биафра – неугомонный африканский дух, отчаянно ищущий для себя пристанища в глубинах времени.

ФРЭНСИС НЬЁКУ, нигерийский философ (p. 142)

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

В мае 1967 года Восточный регион Нигерии – одна из четырех составных частей молодой нигерийской федерации – объявил о своей независимости. Эта обширная территория, выходящая на побережье Гвинейского залива и вобравшая в себя богатую нефтью дельту реки Нигер, издавна была населена игбо – одной из трех ведущих этнических групп государства, созданного англичанами в Западной Африке в начале XX столетия. В Нигерии, получившей независимость в 1960 году, игбо соседствовали, помимо сотен миниатюрных этносов, с еще двумя местными гегемонами: хауса-фулани и йоруба, жившими на севере и западе соответственно. До прихода колонизаторов эти группы активно занимались собственным имперским строительством: скажем, мусульманская империя Сокото или империи Ойо и Бенин йоруба считались солидными государствами. Игбо же, в отличие от соседей, экспансией не интересовались, развивая иные полезные навыки: представители этого этноса неизменно изображались этнографами смекалистыми, энергичными, предприимчивыми – реализуя себя в первую очередь в том, что сегодня называют бизнесом. «Без креативности и динамизма игбо Нигерия была бы гораздо более печальным местом, чем она есть», – писал в свое время нигерийский писатель Чинуа Ачебе¹. Открытость этого народа социальному творчеству привлекала европейцев; в XIX веке именно восточные земли будущей Нигерии стали точкой притяжения для европейских миссионеров, обучивших игбо английскому языку и познакомивших их с христианством.

Провозглашению в 1967 году Республики Биафра – именно так стал называться обособившийся Восточный регион – предшествовал этнический конфликт, за пять с небольшим лет вдребезги расколовший нигерийскую Первую республику. Из-за

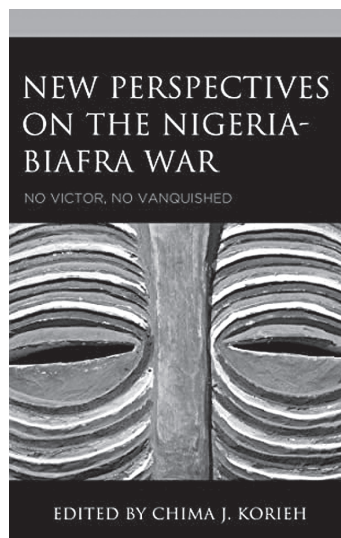
* Рецензия подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00123).

1 АСНЕВЕ С. *The Trouble with Nigeria*. London; Nairobi: Heinemann, 1987. P. 49.

дефектов дизайна федеративного государства, оставленного англичанами, игбо оказались втянутыми в бесконечные столкновения и распри с иными группами – и проиграли, не сумев предотвратить захват государства конкурентами. По мере развертывания этого противостояния в нигерийский политический лексикон прочно вошло русское слово «погром» – цивилизационное заимствование из числа тех, каких лучше бы и не делать. За полгода до того, как Биафра пустилась в автономное плавание, в Северном регионе Нигерии были организованы массовые убийства игбо, проживавших в специально созданных местными властями «кварталах пришлых». За первые шесть месяцев 1966 года на Севере мусульманскими фанатиками были истреблены десятки тысяч христиан.

«Погром» стал не единственным зловещим термином, вышедшим из забвения и наполненным новым содержанием в годы нигерийской гражданской войны. Другим словом из того же ряда стал «геноцид» – понятие, после 1945 года употреблявшееся только в отношении турецких армян и европейских евреев. Дискуссии о том, была ли война между Нигерией и Биафрой сопряжена с целенаправленным и массовым уничтожением людей исходя из их этнической и религиозной принадлежности, идут до сих пор². Позиции антагонистов в таких спорах примерно равновесны, что обусловлено невняtnостью положений международного права на этот счет. Столь же туманна и статистика: вопиющим парадоксом остается то, что даже приблизительное число жертв драмы 1967–1970 годов до сих пор остается неизвестным, а разброс в подсчетах выглядит просто чудовищным: источники говорят о диапазоне от одного до трех миллионов жизней. Но даже если проигнорировать вопрос о геноциде – непонятно, правда, насколько вообще подобные вопросы допустимо обходить стороной, – факт остается фактом: травмы, нанесенные Нигерии тем кровавым конфликтом, не зажили до сих пор, хотя с его окончания минуло уже более полувека. Соответственно, попытки осмысления нигерийской гражданской войны (заметим, что специалисты, сочувствующие проигравшим, предпочитают называть ее «войной между Нигерией и Биафрой», нарочито наделяя задуманную республику той политической субъектностью, которой она отчаянно и тщетно добивалась) с самых разных сторон предпринимаются снова и снова. Одной из таких попыток, причем до-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
БИАФРА НАВСЕГДА

2 См., например: ИНЕКЕ А. *Moving beyond Semantics: Examining the "Biafra Genocide" Claim* // The Republic. 2020. Vol. 4. № 2 (<https://republic.com.ng/february-march-2020/moving-beyond-semantics-biafra-nigeria-conflict/>); МОСЕС Д., ХЕЕРТЕН Л. (Eds.). *Postcolonial Conflict and the Question of Genocide: The Nigeria-Biafra War, 1967–1970*. New York; London: Routledge, 2018; СТАПЛЕТОН Т. *A History of Genocide in Africa*. Santa Barbara: Praeger, 2017. Ch. 6; ВЕНТЕР А.Д. *Biafra Genocide. Nigeria: Bloodletting and Mass Starvation, 1967–1970*. Barnsley: Pen & Sword, 2018.

вольно впечатляющей по охвату освещаемых сюжетов и кругу привлеченных авторов, можно считать рецензируемую книгу.

Основу этого сборника из восемнадцати статей и предпоследнего им обстоятельного предисловия составили материалы конференции «История, памятование и наследие войны между Нигерией и Биафрой», состоявшейся в Доминиканском университете в Ривер-Форест, штат Иллинойс, в 2017 году. (Вместе с тем некоторые статьи добавлялись отдельно и позже.) Среди приглашенных специалистов, что не удивительно, оказалось много нигерийских эмигрантов, кое-кто из которых покинул погибающую мятежную республику еще детьми. Материалы сборника разбиты на четыре блока: «Война, история и память», «Жертвы войны, игбо и опыт Биафры», «Пятьдесят лет спустя: Биафра, ее граждане и новая борьба» и «Война в Биафре в искусстве и иных формах репрезентации». Говоря об идеях, сквозным образом проходящих сквозь все тексты, можно выделить по меньшей мере две центральных: во-первых, война в Биафре так и не завершилась, поскольку не была должным образом «проработана» нигерийским обществом; во-вторых, кампания солидарности с жертвами этой войны сформировала не исчерпанный до сих пор запас социального капитала, на котором выросла нынешняя концепция «гуманитарных интервенций». Фраза же «Ни победителей, ни проигравших», включенная в название книги, принадлежит подполковнику Якубу Говону, в 1966–1975 годах исполнявшему обязанности президента Нигерии и осуществившему многомесячную «специальную полицейскую операцию» по разгрому сепаратистов. Произнося эти слова, диктатор декларировал курс на примирение нации, из которого, как полагают авторы сборника – да и не только они, – почти ничего не получилось.

Заявляя о том, что «призрак Биафры преследует Нигерию до сих пор» (р. XIV), Шима Кори, директор исследовательского центра «Africa» при Университете Маркетт (Милуоки, штат Висконсин), в своем обширном предисловии делает особый акцент на попытках нигерийского правительства уничтожить любые воспоминания о прошедшей войне; по его словам, «молчание, которое неизменно было реакцией на злодеяния, творимые федеральными властями Нигерии в отношении гражданского населения Биафры, остается одним из самых болезненных элементов горького опыта этой территории», поскольку за декларациями о том, что побежденных в войне не должно быть, не последовало реального национального примирения (р. XV). Эту позицию в той или иной мере разделяют все авторы, опубликовавшие в рецензируемом сборнике свои статьи. Трагедия Биафры – пишет, в частности, Пол Бартроп, профессор истории Университета Галф Кост (Форт-Майерс, штат Флорида), – фун-

даментально усугублялась тем, что она произошла всего лишь через два десятилетия после Холокоста: поскольку нигерийская война наряду с вьетнамской стала одним из первых вооруженных конфликтов, разворачивавшихся прямо на телеэкранах, обыватели и политики Запада не могли не понимать, что пафосный призыв «Никогда больше!» обернулся моральным банкротством – и предпочли закрыть глаза на африканские ужасы. Или, как выразительно говорил Фредерик Форсайт, в качестве военного корреспондента освещавший войну со стороны Биафры, «мир просто не захотел знать об этом» (р. 16). Еще более жестко по этому поводу высказывается Обиома Ннаемека, профессор африканских гендерных исследований Университета штата Индиана в Индианаполисе:

«После войны нигерийское правительство запустило масштабный проект искоренения памяти о ней. Вместо того, чтобы провести обсуждение трагедии и наметить пути примирения, власти навязали стране молчание, которое усугубляло недоверие и тормозило нормализацию. В Нигерии не было общенационального обсуждения того, что происходило с нами с июля 1967-го по январь 1970-го. Государство не заинтересовалось ни поиском истины, ни восстановлением доверия. Биафра не упоминалась в школьных программах. Залив Биафра был переименован в залив Бонни. Не существует монументов, увековечивающих память о Биафре и ее гражданах. Напротив, все делалось для того, чтобы стереть Биафру с географических карт и изгнать из коллективной памяти» (р. 224).

Разгромив сепаратистов, победители попытались нормализовать насаждаемое сверху злонамеренное невежество. Так, в качестве одного из первых шагов, совершенных после возвращения республики игбо под тяжелую руку «родины-матери», федеральные власти распорядились разобрать взлетно-посадочную полосу Ули – участок автомобильного шоссе, превращенный повстанцами в аэродром. Николас Ибеавучи Оменка, профессор истории католического Университета имени Годфри Окойе (Энугу, Нигерия), напоминает читателям, что именно этот легендарный объект позволил Биафре поддерживать функционирование «воздушного моста», почти не уступавшего аналогичному начинанию времен сталинской блокады Берлина: бывали такие ночи, когда полоса принимала до четырех десятков бортов, доставлявших в осажденный анклав продукты, медикаменты, палатки, одеяла (р. 20). Оменка, кстати, единственный автор, который разместил в книге сразу две статьи: во втором своем тексте он проникновенно рассказывает о том, как католическая и протестантская церкви Европы и Америки солидарно развернули массовую кампанию по эвакуации из Биафры больных и изголодавших детей – причем делалось это, несмот-

ря на продолжавшиеся бои и, в отличие от многих более поздних конфликтов, со скрупулезным соблюдением норм международного права (р. 185–203)³.

Наряду с анализом тех или иных аспектов самой войны в книге рассматриваются и ее импликации, причем некоторые из них в силу своей необычности ранее не замечались исследователями. Например, Бернард Штейнер Ифевке, преподаватель истории Университета Уйо (Нигерия), посвящает отдельный текст тому, как нигерийское кровопролитие было воспринято левыми силами, поддержавшими сепаратистов – прежде всего, в лице Социалистической партии Биафры, крошечной группировки, которая тем не менее весьма громко заявляла о себе в пропагандистских баталиях, сопровождавших пушечные залпы. Надо сказать, что сецессия расколола ряды нигерийских левых (как, впрочем, и левых всего мира): если группы, которые действовали на федеральном уровне, видели в отделении Биафры задумку империалистов, направленную на балканизацию только что вставшего с колен «гиганта Африки», то радикалы в самой мятежной республике решительно поддержали ленинское право народов на самоопределение вплоть до отделения. Социалистическая партия Биафры была образована в 1968 году с тем, чтобы убедить страны коммунистического блока официально признать отколовшуюся республику. Опираясь на редкие и интересные архивные документы, автор показывает, как политика СССР и его сателлитов постепенно ввергала биафрийских коммунистов во все большее уныние: по мере того, как нигерийское военное правительство начинало принимать советских военных советников и получать советские вооружения, партия все горше проклинала «ревизионизм» Кремля и все теснее солидаризовалась с китайскими и албанскими товарищами. К сказанному автором можно добавить, что аналогичную фрустрацию в то время переживали и студенты из Биафры, учившиеся в Советском Союзе⁴.

Кстати, в книге затрагивается не только советское, но и американское отношение к нигерийской войне. Так, Остин Дуру, адъюнкт-профессор философии Колумет-колледжа святого Иосифа (Уайтинг, штат Индиана), пишет о двусмысленной и непоследовательной позиции властей США, которые на протяжении всего противостояния старались усидеть на двух стульях. С одной стороны, американское общественное мнение в целом сочувственно относилось к Биафре, а местное правозащитное движение было возмущено массовыми убийствами мирного

3 В одном из недавних номеров «НЗ» опубликовал этот текст целиком: Оменка Н.И. *Война в Биафре и дети: эвакуация, реабилитация, репатриация* // Неприкосновенный запас. 2023. № 3(149). С. 73–100.

4 Подробнее см.: Мазов С.В. *«Мы из Биафры». Студенты-изго в СССР во время гражданской войны в Нигерии в 1967–1970 гг.* // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2021. Т. 21. № 4. С. 822–834.

населения, творимыми федеральными войсками; реагируя на это, республиканец Ричард Никсон, в 1968 году боровшийся за пост президента, публично призывал Америку вмешаться в нигерийский конфликт, который он называл не иначе как геноцидом. Это разительно отличалось от линии демократического инкумбента Линдона Джонсона, придерживавшегося жесткого нейтралитета и характеризовавшего войну как «внутреннюю проблему Африки», которой должна заниматься Организация африканского единства. С другой стороны, завоевав президентство, республиканцы волей-неволей позабыли о своей радикальной риторике: столкнувшись с императивами *Realpolitik*, администрация Никсона была вынуждена сосредоточиться на терявшей популярность вьетнамской войне, а также судорожно реагировать на Пражскую весну и громкие политические убийства Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди (р. 101). В итоге ей пришлось демонстрировать чудеса эквилибристики, поддерживая и развивая официальные дипломатические отношения с федеральным военным правительством Нигерии и в то же время негласно содействуя доставке в Биафру гуманитарной помощи. Впрочем, в моральном плане еще более сомнительной была позиция британцев, на которых лежала куда большая ответственность: в конце концов, Нигерия почти семь десятилетий была их владением, а ущербная модель нигерийского федерализма разрабатывалась и внедрялась именно Великобританией. Кстати, индийская журналистка Анвеша Дас в своей статье напрямую связывает неразрешимые противоречия, вылившиеся в братоубийственную бойню, с придуманной колонизаторами системой косвенного управления.

Отдельный раздел книги посвящен тому, как война трансформировала судьбы людей и целых сообществ. Одигве Нваокоча, преподаватель истории и международных отношений Университета Бенина (Нигерия), останавливается на калечащем влиянии, оказанном ею на одно из этнических меньшинств, проживавших рядом с Биафрой. Народность аниома не была причастна к сецессии, затеянной игбо, но ей не посчастливилось жить у самых границ мятежной республики. Ее судьба изменилась в августе 1967 года, когда формирования мятежников, расширяя свои плацдармы, вторглись на нигерийскую территорию в районе Асаба, населенном в основном аниома. Поскольку местные общины не поддержали провозглашенной соседями независимости, подразделения сепаратистов не церемонились с местными жителями и в особенности с их имуществом. Это, однако, было только началом бедствий. Осенью того же года свою акцию возмездия в тех же местах провели федеральные войска, отобравшие регион у оккупировавшей его Биафры и предьявившие свой счет его обитателям – теперь о существо-

вании Асабы узнал весь мир, поскольку именно в этом городе 5–7 октября 1967 года правительственная армия устроила резню безоружного населения, убив четыреста мирных жителей, преимущественно из числа аниома. Называя эти события «самым ужасным эпизодом нигерийской гражданской войны» (р. 114), автор показывает, до какой степени мучительно народу аниома давалась последующая многолетняя реабилитация: страдания победы оказались для него хуже ужасов войны. «Оккупировавшие Аниомаленд федеральные войска вели себя слишком мстительно и жестоко, даже по меркам армии, сосредоточившейся на вендетте», – пишет он. Пожалуй, самыми большими несчастьями их победа обернулась для местных женщин, в которых нигерийские солдаты – автор без обиняков называет их «преступниками, одетыми в военную форму», – видели «законные военные трофеи» (р. 123–125).

В послевоенные годы Биафра, которая исчезла с географических карт, начала превращаться в символ, не просто нагруженный, а перегруженный смыслами. С одной стороны, очевидно состоялось своеобразное возвращение в прошлое, в котором такой географической локации либо не знали вовсе, либо ее располагали не там, где привычно позиционировали в XX веке. Как отмечает Фрэнсис Ньёку, профессор философии Университета Нигерии (Нсукка), до войны в стране не имелось места с подобным названием, поскольку древнее вождество, носящее такое имя, располагалось на территории нынешнего Камеруна (р. 140–141). Но, с другой стороны, после войны концепт, безжалостно лишенный денотата, чудесно воскрес – и начал жить самостоятельно, вне связи с теми географическими координатами, к которым он прежде был прикреплен.

Последний раздел книги посвящен репрезентациям ушедшей Биафры в искусстве. Среди них, в частности, есть даже опера «Биафра», либреттист которой Джон Шерман – автор девяти книг, во время войны трудившийся волонтером «Корпуса мира» в Порт-Харкорт, – в своей статье упоминает о том, что в современной Нигерии постановка его произведения оказалась невозможной (р. 251). Авторы исследуют и другие творения, посвященные трагедии Биафры. Так, Роуз Сакейфио, профессор английской словесности Государственного университета Уинстон-Салем (штат Северная Каролина), представляет подробный литературоведческий анализ двух книг, на сегодняшний момент считающихся наиболее яркими беллетристическими описаниями столкновения Нигерии с отпавшей республикой: это романы «Половина желтого солнца» Чимаманды Нгози Адичи⁵ и «Военные игры» Дулуе Мбачу. По ее мнению, оба текста

5 См. рус. перев.: Адичи Ч. Н. *Половина желтого солнца*. СПб.: Фантом Пресс, 2017.

«ярко подчеркивают потребность в историзации конфликта – достижения такого состояния, в котором война навсегда была бы защищена от забвения, а обращение к памяти о ней постоянно регенерировало бы общество» (р. 298). Наконец, безусловного внимания заслуживает входящая в этот же блок статья, которую написал Джон Келечи Опара, преподаватель изящных и прикладных искусств Университета штата Имо (Оверри, Нигерия): этот текст посвящен работам молодых художников и скульпторов из Биафры, предлагающих свои интерпретации давней трагедии. Кстати, весь заключительный раздел книги особенно выразителен, поскольку сразу в нескольких главах повествование перемежается цветными иллюстрациями. В некоторых случаях без образного материала просто не обойтись – как, например, в главе, где Этиидо Эффионгвильям Иньянг, преподаватель графического дизайна и визуальных коммуникаций Университета Порт-Харкорта (Нигерия), предлагает читателю обширный обзор пропагандистских плакатов, использовавшихся правительством Биафры в 1967–1970 годах.

Завершая краткий анализ интереснейшей книги, я хотел бы снова сослаться на нигерийского философа, слова которого вынесены в эпиграф. Как пишет Фрэнсис Ньёку, «Биафра, которая выходит за рамки физического пространства и географических связей, есть Биафра ума и сердца; она символизирует борьбу человека против угнетения как такового, волю защищать себя и отстаивать свое существование во враждебном и хаотичном мире» (р. 156). Действительно, за прошедшие десятилетия эта африканская территория, вымаранная из атласов, переросла любые географические коннотации, став воплощением борьбы за свободу – сопротивления передового меньшинства тирании отсталого большинства. И надо согласиться с авторами: такая Биафра, по всей видимости, будет жить вечно. Тем более, что беспорядок, в который все неотвратимее погружается мир, формирует новый запрос на ее символы и идеалы.